

В.З. Демьянков

**ОБ УСВОЕНИИ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА
И КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ:
ЧТО ТАКОЕ ХАЙЛИ ЛАЙКЛИ?¹**

ФГБУН Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Усвоение родного языка состоит не только в том, что берутся на вооружение фонологические, грамматические, лексические и другие предписания целевого языка как системы знаков (в сосюрковском смысле слова), но и в неосознанных наблюдениях над контекстами, в которых эти знаки употребляются, в «анамнезе» реальной коммуникации. Усвоение же неродного языка взрослым человеком отличается невозможностью провести достаточно большое число наблюдений. Многоязычные корпуса текстов помогают преодолеть такой дефицит информации. Под этим углом зрения рассматривается статистика контекстов выражения *highly likely* в английском корпусе. Сопоставление со статистикой выражений со значением «высокая вероятность» в русском корпусе демонстрирует различия, которые заставляют с осторожностью относиться к буквальному переводу этого словосочетания как «в высшей степени вероятный». В статье анализируется большой корпус оригинальных (непереводных) английских художественных и научных текстов, в которых встречается лексема *likely* и ее производные, классифицируются контексты этих слов, особенно эпитеты, устанавливается их относительная частота. Эти данные сопоставляются с результатами анализа большого русского корпуса оригинальных художественных текстов, выявляются сходства и различия и показывается, что английское выражение *highly likely* в английских текстах обладает коннотациями, не передаваемыми прямо русским выражением *с высокой степенью вероятности*. В таких случаях русская транслитерация лучше соответствует целям «транскультурной» коммуникации, чем буквальный перевод.

Ключевые слова: усвоение языка; адаптация дискурса; многоязычный корпус текстов; транскультурная коммуникация.

Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН (e-mail: vdemiank@mail.ru).

¹ Разделы 1 и 3 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Аккомодация к употреблению единиц чужого языка

«Природный», или «биологический» носитель языка, освоивший систему своего родного, «первого», языка (L1), отличается от выучившего этот язык как иностранный (как L2) не только легкостью в следовании грамматическим, фонетическим, лексическим и другим правилам, но и подсознательным ведением своеобразной статистики того, что и как говорят на данном языке, а о чем и как, редко или даже никогда не говорят, хотя и могли бы. При L2 возможностей для такой статистики меньше. Дефицит ее у взрослого учащегося не гасится бессонными ночами над учебниками и словарями, требуется и значительное время для восприятия спонтанной иноязычной продукции, и мотивация для такой «вовлеченности» в чужую культуру.

Недавно выучившему язык как неродной явно не хватает знаний об употребительности и единиц языка, и сюжетов коммуникации, без этого речь иностранного учащегося напоминает детскую. Двухязычные словари XX–XXI вв. докладывают нам о случаях, когда глагольное управление и сочетаемость с предикатами и эпитетами существительного в одном языке резко отличается от свойств переводного эквивалента: такая фиксация была не всегда и не во всех типах словарей представлена раньше. Но кроме того, очень употребительная единица родного языка может соответствовать в выученном языке совершенно нечастой единице, в целевом тексте неуместной. Как мы знаем из переводческой и преподавательской практики, использование в переводе единиц, отличающихся по частотности, а потому и по типичности, от оригинальных, приводит к смене «регистра»: например, деловой стиль оригинала растворится из-за употребления неформальной лексики в переводе. Скажем, на реплику русскоязычного начальника «Я ненадолго отлучусь в министерство» иностранный стажер может ответить: «Дуйте» или «Валите» не по злобе, а потому что «краем глаза» увидел такое соответствие в словаре.

При этом в межкультурной коммуникации нередки случаи, когда сообщения трудно или принципиально невозможно адекватно, с сохранением регистра, передать средствами целевого языка. Осоз-

навая безнадежность ситуации, прибегают к открытому приему: явно указывают на неполную неэквивалентность выражений двух культур, прося снисхождения за такую неудачу. Уже с давних пор вполне легитимно передавать такое выражение, произнеся его в фонетически адаптированной версии оригинала с комментарием вроде: «Шишков, прости...»

В этой связи очень важно иметь в виду, что «когнитивный анализ не/успешности акта межкультурной коммуникации должен основываться не только на прототипической, но и на экземплярной категоризации, включать весь комплекс знаний и внеязыковой опыт языкового сообщества, совокупность лингвистической и экстралингвистической информации, которые существенно разнятся в разных лингвокультурах» [Молчанова, 2014: 11]. На границе между лингвистической и экстралингвистической информацией как раз и лежит усвоение знаний о ситуативной уместности.

Компенсировать дефицит опыта в восприятии иноязычных текстов, пройдя детскими «семимильными» (или, как говорят сами дети, «семенильными») шагами, взрослому учащемуся, как правило, трудно. Составить представление о типичных контекстах для лексических единиц помогает анализ словоупотребления в большом корпусе конкретного языка. Контекст создает и предопределяет условия для интерпретации текста уже в самый момент речи [Günthner, 2000: 29], когда происходит «контекстуализация» языка [Halliday, Matthiessen, 1999: 602], стирающая границы, любовно проводимые, по [Stockwell, Schachter, Partee, 1968], между «ингредиентными» и контекстно обусловленными семантическими свойствами получаемого текста. В отличие от простой лингвостатистики, такой корпусный подход позволяет непосредственно и наглядно предъявить типичные контексты для каждой единицы с указанием частотности самой единицы. Это позволяет сделать наглядными расхождения и схождения в естественности таких контекстов для разных единиц, особенно, но не только, в рамках различных синтагм. Естественность, «прагматичность» употребления становится одним из индексов контекстной обусловленности (и истинности) высказываний, ср. [Récanati, 2010: 27]. Представление о контексте как об «общем фоне», как об «игровой площадке» для обмена высказываниями на разные темы, ср. [Stalnaker, 2014: 4], погружается в такую концепцию представительности и даже «солидности» контекста. А при этом сам контекст рассматривается и как то, что существует

независимо в физическом пространстве (в том числе, поза, окружающие предметы и т.п.), и как то, что создается фактом обмена высказываний в самом широком представлении о человеческой коммуникации, ср. [Гее, 2011: 203], включая все новые и новые мнения и знания. То, что называют «контекстной нейтрализацией» в семантике лексических единиц [Bender 1998: 58], предстает как ворота к тому изменяемому и уязвимому в семантической системе языка, что носители языка не всегда серьезно и решительно охраняют. Однако при этом имеют представление о конъюнктуре и моде, о том, что нынче «носят» в разговоре, что более ожидаемо и/или естественно упоминается в живом общении, а о чем говорить не стоит.

Для сопоставления же языков под этим углом зрения при выборе наиболее адекватной единицы в конкретном контексте поможет большой многоязычный корпус текстов. Такой корпус русского и западноевропейских языков с программным сопровождением был построен мной давно, со временем он обрастает объемом и программами обработки непрепарированных текстов.

Примером актуальным для последних лет может служить передача интернационально модного английского выражения *highly likely* в политических дискурсах российских СМИ². Ведь на 179 395 случаев употребления основы *вероят-* в русской части корпуса приходится 102 словосочетание *высокая вероятность. По всей вероятности* — абсолютный рекордсмен в русском корпусе для всех сочетаний с основой *вероят-* (7136), *весьма вероят-* зарегистрировано 1672 раз, а *очень вероят-* 745. «Грамотный» переводчик осознает к тому же, что по-английски интернациональным соответствием для русского *вероятно* является адаптация латинского *probabilis* (о соотношении понятий возможного и вероятного в русском и в западноевропейских языках см. [Демьянков, 2020]), звучащая по-английски как *probable*.

---

² Ср.: «Хакеры, вполне вероятно, действовали как «часть российских спецслужб». <...> Хакеры являются частью группы под названием АРТ29. В течение 2020 года АРТ29 нацелилась на различные организации, занимающиеся разработкой вакцин против COVID-19 в Канаде, Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве, «хайли лайкли», с целью кражи информации и интеллектуальной собственности, связанных с разработкой и тестированием вакцин от COVID-19», — цитирует 16 июля заявление центра ВВС. (Фраза *highly likely*, то есть «весьма вероятно», была использована премьер-министром Терезой Мэй для обвинения России в атаке на Скрипалей. Позже фраза стала мемом. — Прим. ред.). URL: <https://www.fontanka.ru/2020/07/16/69370621/> (дата обращения: 28.11.2020).

На этот материал мы и обопремся в следующем разделе. В под-
боре документирующих примеров преимущество отдается произ-
ведениям несовременным, для того чтобы сделать выводы как
можно менее зависимыми от нынешней злобы дня, очень едкой и не
всегда справедливой. Наша задача здесь — увидеть, что же заложено
в языке не как в соссюрговской *langue* (чистой системе потенци-
альных противопоставлений), выброшенной на «рынок» знаков и
постоянно на нем «креативно» обновляемой, а как в соссюрговском
langage, тесно привязанном к потребительскому «спросу». оконча-
тельный же выбор знаков остается за заинтересованным «потреби-
телем» родного или благоприобретенного языка. Именно этот выбор
характеризует навыки креативности и создателя текста, и его пере-
водчика.

2. Поле *likely* и пределы его креативности в английском корпусе

Всего предложений, в которых встречаются лексемы класса
“*likely*” (*likely, likelihood, likeliness* и т.п.), — 133000, *unlikely (unlike-
liness, unlikelyhood* и т.п.) — значительно меньше, 11800. Это без
учета диалектных форм типа *onlikely*, также представленных в ху-
дожественной литературе, напр.: *You ‘m as likely or onlikely to get a
big answer as a little* (Eden Phillpotts, *Children of the Mist*, 1898).

Для сравнения, в английском корпусе по убыванию частотности
имеем для романских потомков — синонимов «родного» англий-
ского *likely*:

- *possible / possibility*: 423761,
- *probable / probability*: 295357,
- *impossible / impossibility*: 155991,
- *improbable / improbability*: 11899.

Это значит, что самый первый смелый шаг к креативности при-
родный носитель английского языка совершает, употребив *likely*
вместо *probably*. Но не будем забывать: что позволено природному
носителю, вежливому иностранному «гостю» дозволено использо-
вать осторожно. *Quod licet Iovi, non licet bovi*.

Рассмотрим непосредственные контексты лексем нашего класса:
справа (то, что в предложениях корпуса идет сразу после данной
лексемы и обычно входит в ту же синтагму) и слева (то, что в пред-
ложениях корпуса имеем сразу перед данной лексемой и обычно
входит в ту же синтагму). В скобках даются сведения о частотности,

а после двоеточия приводится один реальный пример из корпуса с указанием автора, названия произведения и года издания. Символ «>» означает, что по частотности один контекст в перечислении превосходит последующий. Поскольку этот список значительно длиннее, чем допускает объем небольшой статьи, мы его обрываем, когда видим, что и этого достаточно для выводов.

Всего примеров с *likely* 126571, с *likelihood* 5335 (плюс с написанием *likelyhood* 45), с *likeliest* 695, с *likelier* 422, с *likelihoods* 77, с *likeliness* 23.

Всего примеров с *unlikely* 11566, с *unlikelyhood* 112 (с написанием *unlikelyhood* 0), с *unlikelyest* 87, с *unlikelyness* 23, с *unlikelyer* 17, с *unlikelyhoods* 9.

Наблюдательному читателю предлагается сопоставить эти два ряда и сделать некоторые предварительные выводы.

2.1. Правые контексты *likely* (126571)

По убыванию частоты имеем:

likely to (71520): *Wild life is **likely to** be busiest about the lower pine borders* (Mary Austin, *The Land of Little Rain*, 1903);

> *likely that* (10210): *He thought it most **likely that** he could secure the appointment without that gentleman's influence* (Nancy Huston Banks, *Round Anvil Rock*, 1903);

> *likely* в самом конце предложения (4108): *No doubt, it will occur to you that Vernon might have taken a can or two of meat; but that's not **likely*** (Harold Bindloss, *The Long Portage*, 1912).

Список очень велик, поэтому здесь мы завершим сплошное перечисление контекстов и из оставшихся случаев укажем только сочетаемость с существительными. Среди таких контекстов лидируют именование места и неодушевленного предмета, и только в третью очередь человека:

likely place (362): *It strikes me as quite a **likely place*** (Harold Bindloss, *Prescott of Saskatchewan*, 1913);

> *likely story* (263): *It's a **likely story** that a ragamuffin like you would be trusted with so much money* (Horatio Alger, Jr., *Ben, the Luggage Boy; or, Among the Wharves*, 1876);

> *likely thing* (147): ***Likely thing** for a British officer to sneak off and leave one of his men like this!* (George Manville Fenn, *Blue Jackets*, 1900);

> *likely spot* (146): *Indeed that very idea seems to have struck the fisherman too, and he marks the **likely spot**, and will go there to-morrow,*

not to-day — no, he will always stick one day at one place (John MacGregor, *The Voyage Alone in the Yawl “Rob Roy”*, 1893);

> *likely person* (130): *The next day both Godwin and Rough called upon their host, each man expressing his regard for the other, and each asking Robinson if he thought the other would be a **likely person** to lend him fifty pounds* (Agnes Repplier, *Americans and Others*, 1912);

> *likely man* (129): *Moses is by far the most **likely man** to have written them, of all of whom we read in Scripture* (Charles Kingsley, *The Gospel of the Pentateuch: A set of Parish Sermons*, 1863);

> *likely places* (120): *In **likely places** traps are set for marten, mink or fox* (Dillon Wallace, *The Story of Grenfell of the Labrador: A Boy’s Life of Wilfred T. Grenfell*, 1922).

2.2. Левые контексты *likely*

Лидирует *not likely* (12964): *You, hearing Charlie painted in the blackest colours, are **not likely** to raise any protest either to yourself or to anyone else* (Firth Scott, *The Rider of Waroona*, 1912);

> *more likely* (12221): *Two of Gladwyne’s party left him; and of those two which would be the **more likely** to succumb to extreme exertion, exposure, and insufficient food?* (Harold Bindloss, *The Long Portage*, 1912);

> *is likely* (12125): *I have discovered a field within a day’s journey that nobody else knows of — that nobody else is **likely to** know of* (Edward Dyson, *In the Roaring Fifties*, 1906);

> *most likely* (10682): *Never mind; most likely nothing of the kind will ever come in your way, and they have not the slightest claim on you* (Charlotte M. Yonge, *Hopes and Fears: Scenes from the life of a spinster*, 1899);

> *very likely* (10542): *But I need not write, for I think it very likely that now the sale of Kaburie is ‘off’ with Mr Gerrard, she will come back there to live* (Louis Becke, *Tom Gerrard*, 1904).

Из-за нехватки места первем и это перечисление. Отметим только, насколько статистически незначительно наше модное словосочетание в предыдущие эпохи английской словесности:

> *highly likely* (83): *In the end he thought it **highly likely** that Gurseys and Red would have quartered themselves here* (Brian Penton, *Landtakers: The Story of an Epoch*, 1934).

3. Адаптация контекста и к контексту в переводе

Для перевода *likely* на русский язык, особенно в отрицательном или ограничительном контекстах, конструкцию иногда перекраи-

вают, напр.: *You are not a very **likely** person to do such a thing* «Ты не очень годишься на такое» (James Fenimore Cooper, *Jack Tier*; or *The Florida Reef*, 1800); ср.: [...] *the only person **likely** to be disconcerted by my action was Ferrari himself* (Marie Corelli, *Vendetta: A Story Of One Forgotten*, 1886).

Английское *highly likely* на слуху у интернационального читателя в последние годы с дежурным переводом «очень вероятно, с большой долей вероятности». В английском корпусе это словосочетание встречается сравнительно редко, а противоположное по значению *highly unlikely* (212) «очень маловероятно» примерно в 3 раза чаще, особенно в художественной литературе, напр.: *Until tonight, finding animals in **unlikely** locations was explained either through migration, which is **highly unlikely**, or cataclysm, like the shifting of the earth on its axis, which is also **unlikely*** (James F. David, *Footprints Of Thunder*, 1995). Еще чаще, из глубины веков дошло до нас *not likely* (12892), самый частотный на сегодня контекст, пример см. выше. Напрашивается гипотеза, что по-английски о *likely* мы говорим тогда, когда думаем, что это не *likely*. Это как рычание внутреннего голоса: «Сейчас мы говорим о сомнениях!» А такой тип самоиронии, как мы знаем из опыта межкультурной коммуникации, очень типичен для англосаксонского стиля и не безопасен для наивного пришельца, привыкшего у себя дома чуть ли не все из рук «чужеплеменника» воспринимать всерьез и буквально. Англосаксам щадящий режим в общении с «чужими», не исключено, гораздо менее свойственен, чем континентальным европейцам.

В то же время в качестве левого контекста прилагательного *improbable* модификатор *highly* лидирует (470): *Secondly, as there is someone else who knows a passage, you must think it **highly improbable** I should saddle myself with a lunatic like you* (Robert Louis Stevenson, *The Master of Ballantrae*, 1888). Дальше по убыванию частотности идут: *very* (460) > *most* (372) > *more* (171) > *extremely* (170) > *wildly* (88) > *exceedingly* (58) > *altogether* (56) > *quite* (46) > *utterly* (41) = *rather* (41) > *equally* (35) и т. д. Получается так, что лексему *likely* помещают в наиболее частый контекст ее более частого антонима (*highly improbable*).

Для контраста возьмем пример, когда *likely* выступает в общем контексте со своим закадычным семантическим конкурентом *probably*: *And lastly, the profound depth of the ocean between the islands, and their apparently recent (in a geological sense) volcanic origin, render it*

highly unlikely that they were ever united; and this, **probably**, is a far more important consideration than any other, with respect to the geographical distribution of their inhabitants (Ch. Darwin, *The Voyage of the Beagle*, 1839). Слетая с вершин буквального неправдоподобия (*highly unlikely*), автор подчеркивает субъективность мнения, употребив затем все-таки *probably*. Этот высший пилотаж «пикирующей маловероятности» по плечу русскому обороту *можно было бы предположить*, а не простодушно-заносчивому *очень возможно* и *весьма вероятно* в русской версии официальных заявлений Лондона.

4. Заключение

1. При установлении адекватности перевода контекстов для конкретной единицы можно предположить, что билингвы опираются на следующую процедуру. Из двух вариантов перевода адекватнее оригиналу тот, который на иерархии единиц того же класса в другом языке занимает близкую по частотности позицию. Скажем, в английском языке для *likely* в левом контексте наиболее высокую позицию, близкую к лидирующим *not* и *more*, занимает *most*, обладающая семей позитивного превосходства; *highly* в качестве модификатора находится на задворках частотности (см. выше). Удивительным образом, в русском языке «высокая вероятность» и «высокая степень вероятности» (при том, что *степень вероятности* в корпусе зарегистрирована 302 раза) на соответствующей иерархии тоже занимают по частотности не самую высокую позицию! Эта близость статистик говорит о каком-то сходном представлении о высоте в русском и английском языках и свидетельствует в пользу буквального перевода.

2. Дело усложняется тем, что *likely*, «родная» для английского единица, в корпусе значительно реже романского заимствования *probable*. В русском же такого соперничества нет: как в немецком языке, возможность и вероятность именуется у нас «родными» основами. Перевод *likely* на русский язык с помощью той же лексемы, с помощью которого мы перевели бы *probable*, — вынужденная неадекватность. Что-то при таком употреблении «на вырост» теряется.

3. Заявления с *highly likely* (но не *highly unlikely*) должны вызывать ощущение недосказанности, самоиронии, перекрещенных пальцев, выдающих неуверенность, подсознательное «самонедоверие». Но за пределами британской культуры они воспринимаются не так же, как британцами, и такого отношения не вызывают. Недаром эта

фраза с заслуженной обидой на необъективность повторяется в связи с известными событиями, по поводу которых она у нас неожиданно воссияла.

4. Деловой жанр, принятый по умолчанию в серьезных разговорах, ставит интерпретатора в неловкое положение при креативно выбранном «саксонском» стиле оригинала. Смятение вызывает английский дискурс, переведенный в формат деловой русской культуры. Чувство такое, будто деликатный английский кукиш засунули в широкий русский карман. Ну так надо ли так широко этот карман держать? Да и совать в него все подряд? Эти вопросы адресованы не донорской культуре англосаксов, которые имеют право на свой стиль, им удобный. Скорее это этическая проблема для воспринимающей культуры: следует ли высказывания с *хайли лайкли* воспринимать как ни на чем не основанное (преднамеренно «вздорное» или «дурашливое») обвинение — или как сигнал безразлично-усталого сомнения?

Подобные случаи, вызывающие трудности перевода, можно назвать **транскультурной коммуникацией**: знаки культуры-донора «врастают» в целевую культуру не только своей звуковой оболочкой («телом») и своими значениями («душой»), но и (в нашем случае, ироническими) коннотациями и экспектациями (ожиданиями). Механизмы такого «вращения» напоминают атаку коронавирусных шипов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.
2. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М., 2014.
3. Bender B.W. Markedness and iconicity: Some questions // Case, typology and grammar: In honor of Barry J. Blake. Amsterdam; Philadelphia, 1998. P. 57–70.
4. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and method. Third Edition. N.Y.; L., 2011.
5. Günthner S. Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen. Tübingen, 2000.
6. Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.M.I.M. Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. L.; N.Y., 1999.
7. Récanati F. Truth-Conditional Pragmatics. Oxford, 2010.
8. Stalnaker R. Context. Oxford, 2014.
9. Stockwell R.P., Schachter P., Partee B.H. Integration of transformational theories of English syntax. Los Angeles, 1968.

Valery Z. Demyankov

ON SECOND-LANGUAGE ACQUISITION AND CORPUS LINGUISTICS: WHAT IS ‘HIGHLY LIKELY’?

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1/ 1B. Kislovsky per., Moscow, 125009*

L1 learning consists not only in acquiring phonological, grammatical, lexical, etc. prescriptions of a Saussurean ‘langue’ as a system of signs, but also in subconscious inferences concerning prototypical usage and creativity measures of linguistic signs actually used by adult native speakers in communication. L2 acquisition by adults differs from L1 acquisition due to practical limitations. Multilingual text corpora are helpful as a means of overcoming this deficit of information. Non-native speakers relying on statistics of the **right-hand and left-hand** contexts of lexical items, and not only on frequency of separate lexical items, can measure the degree of creativity of original texts and of their own linguistic production in a foreign language. Thus, the English phrase ‘highly likely’ is used in English texts rather differently from the way it is cited and understood outside English texts proper, e. g. in Russian mass media. The paper analyzes statistics and semantics of the contexts of the English expression ‘highly likely’ and its synonyms in a big English corpus of original texts. Thus, in my English corpus, ‘highly likely’ is less frequent than ‘highly unlikely’, which signals negative rather than positive expectations of the propositions supplied with such hedges. These and similar data are compared with the use of their correspondences in a big Russian corpus of original texts. Pragmatic and semantic differences of these expressions in Russian and in English have to do with expectations, connotations and ‘implied inferences’ not always immediately perceived by Russian speakers citing the fashionable English phrase in their Russian discourse. The Russian transliteration of the English phrase, and not the literal translation, may be the only adequate way of rendering irony in trans-cultural communication.

Key words: language acquisition; discourse adaptation; multi-lingual text corpus; trans-cultural communication.

About the author: *Valery Z. Demyankov* — **Dr.habil in Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences** (e-mail: vdemiank@mail.ru).

REFERENCES

1. Demyankov V.Z. 2020. O jazykovykh teknikakh adaptacii mnenija [On linguistic techniques of adapting opinions]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 4, pp. 5–17. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaja polikodovost' mežkul'turnoj kommunikacii: verbalika i neverbalika* [Cognitive plurality of codes in inter-cultural communication: Verbal and non-verbal means]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2014. (In Russ.)

3. Bender B.W. 1998. *Markedness and iconicity: Some questions*. In A. Siewierska, J.J. Song (eds.) *Case, Typology and Grammar: In Honor of Barry J. Blake*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, pp. 57–70.
4. Gee J.P. 2011. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and method*. Third Edition. N.Y.; L.
5. Günthner S. 2000. *Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen*. Tübingen, Niemeyer.
6. Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.M.I.M. 1999. *Construing Experience Through Meaning: A Language-based Approach to Cognition*. L.; N.Y.
7. Récanati F. 2010. *Truth-Conditional Pragmatics*. Oxford, Clarendon Press.
8. Stalnaker R. 2014. *Context*. Oxford, Oxford University Press.
9. Stockwell R.P., Schachter P., Partee B.H. 1968. *Integration of Transformational Theories of English Syntax*. Los Angeles, UCLA.

Acknowledgments: The research presented in sections 1 and 3 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 “Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in section 2 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 “Parametrization of linguistic creativity in discourse and language” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.